

Человек в футляре: литературный тип и его вариации

Л. В. Чернец

Ключевые слова: литературный тип, вариации типа, характер, персонаж, профессия персонажа, творчество А. П. Чехова.

Заглавие известного произведения А. П. Чехова стало *номинацией* литературного типа. Как отметил А. М. Скабичевский в 1898 г. (вскоре после публикации рассказа): «...личность Беликова является замечательным художественным откровением г. Чехова, одним из тех типов, которые, вроде Обломова или Чичикова, выражают собою или целую общественную среду, или дух своего времени»¹. А в 1915 г. В. Ф. Переверзев, рецензируя сборник рассказов Н. И. Тимковского, относит писателя «к той группе художников сумеречной полосы русской жизни, самым ярким многогранным представителем которой был Чехов», и для характеристики героев, составляющих «мир» Тимковского, использует чеховское выражение: «...это мир торжествующих по всему фронту «человеков в футляре»...». Критик особенно выделяет его рассказ «Сергей Шумов», написанный в 1896 г. (т.е. за два года до появления чеховского шедевра), где автор «касается жгучей до сих пор темы, изображая гнетущую роль нашей средней школы, являющейся орудием реакции и лабораторией «человеков в футляре» и «хмурых людей»². Таким образом, закрепившаяся в литературном процессе номинация литературного типа ретроспективно применена к персонажам, созданным раньше (до Чехова) другим писателем.

К тому же типу, но на поздней стадии его эволюции, В. А. Келдыш относит Передонова, главного героя романа Ф. К. Сологуба «Мелкий бес» (1902): «...если отвлечься от чуждой Чехову «метафизики» романа и посмотреть на учителя Беликова и учителя Передонова как на социально-психологические типы, параллель эта окажется, по существу, неизбежной. После Чехова наиболее последовательное и законченное выражение «футлярной» темы мы найдем именно у Сологуба»³. Не случайно в романе упомянут рассказ «Человек в футляре», не прочитанный Передоновым: по его словам, он «все хорошие книги раньше прочел» (гл. 6)⁴. В образе Передонова развита «глубокая мысль, заключенная в чеховском типе, - о нерасторжимости, «родственности» рабства и деспотизма. Мысль эта особенно важна и для «Мелкого беса». Рабский испуг перед враждебной действительностью развязывает у Передонова мстительные инстинкты»⁵.

Чехов представил не только в Беликове «футлярный» тип. К нему исследователи относят и других героев, прежде всего Пришибеева («Унтер Пришибеев») и Николая Ивановича Чимшу-Гималайского («Крыжовник»)»⁶.

В литературоведении и критике сложилась традиция использовать термин *тип* для обозначения группы персонажей, на основании сходства их важнейших социально значимых черт. При этом каждый из персонажей - *вариаций* типа - не исчерпывается типовыми чертами, он имеет свой, неповторимый *характер*, могут сильно различаться и принципы, приемы *изображения* персонажей⁷. Так, в творчестве И. С. Тургенева один из ведущих типов - «лишний человек» (эта номинация впервые появилась в «Дневнике лишнего человека», 1850), представленный целой галереей персонажей. Но они отнюдь не двойники: робкий Чулкатурин, чья любовь отвергнута, совсем не похож на Рудина (из одноименного романа), увлекающего слушателей «музыкой красноречия» (по выражению повествователя) и отказывающегося от любви Натальи Ласунской, а Веретьев из повести «Затишье», «прошутивший» свою жизнь (как предсказала ему Марья Павловна), составляет контраст Ракитину (комедия «Месяц в деревне»), погруженному в психологические тонкости. Однако всех этих литературных героев объединяет отчуждение от окружающей среды и в то же время глубокая неудовлетворенность собой, «разлад слова и дела»⁸.

Русские писатели XIX века, можно сказать, мыслили типами. Они давали им названия, которые часто подхватывала критика и публицистика: «нигилист» («Отцы и дети» Тургенева), сменивший «лишнего человека» в творчестве писателя, «самодур» (комедия А. Н. Островского «В чужом пиру- похмелье», 1856), «новые люди» («Что делать? Из рассказов о новых людях» Н. Г. Чернышевского, 1863), «подпольный человек» («Записки из подполья» Ф. М. Достоевского, 1864), «помпадур» («Помпадуры и помпадурши» М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1863 - 1874) и др.

В этом ряду - и чеховская номинация. Что же объединяет «футлярных» персонажей? Почему их можно рассматривать как один тип, узнаваемый в различных вариациях, часто видеть в новом герое «знакомомго незнакомца», по выражению В. Г. Белинского?⁹

В рассказе «Человек в футляре» ключевое слово «футляр» впервые появляется при описании портрета, точнее, костюма Беликова: «Он был замечателен тем, что всегда, даже в очень хорошую погоду, выходил в калошах и с зонтиком и непременно в теплом пальто на вате. И зонтик у него был в чехле и часы в чехле от серой замши, и когда вынимал перочинный нож, чтобы очинить карандаш, то и нож у него был в чехольчике; и лицо, казалось, тоже было в чехле, так как он все время прятал его в поднятый воротник. Он носил темные очки, фуфайку, уши закладывал ватой, и когда садился на извозчика, то приказывал поднимать верх. Одним словом, у этого человека наблюдалось постоянное и непреодолимое стремление окружить себя оболочкой, создать себе, так сказать, футляр, который уединил бы его, защитил бы от внешних влияний»¹⁰.

Если бы странности Беликова этим ограничивались, он просто был бы двойником Мавры, жены старосты, которая «в последние десять лет все сидела за печью и только по ночам выходила на улицу» (ее затворничество и послужило поводом для рассказа Ивана Петровича Буркина о Беликове).

Но далее «футляр» обретает свойственную символу многозначность: им оказываются не только особенности «домашней жизни» Беликова («халат, колпак, ставни, задвижки», маленькая, «точно ящик», спальня, кровать «с пологом» и др.), не только страх перед шумом в «многолюдной гимназии» и страх перед женитьбой. «Футляром» были и «древние языки, которые он преподавал», и его скованная инструкциями мысль. «Для него были ясны только циркуляры и газетные статьи, в которых запрещалось что-нибудь. Когда в циркуляре запрещалось ученикам выходить на улицу после девяти часов вечера или в какой-нибудь статье запрещалась плотская любовь, то это было для него ясно, определенно: запрещено - и баста».

Но робких людей, прячущихся от жизни, немало. Главное, что делает Беликова уже не жалким, а страшным, - сочетание в нем страха (в том числе страха перед свободной мыслью) и агрессивности, которой окрашена его должность педагога. «А на педагогических советах он просто угнетал нас своею осторожностью, мнительностью и своими чисто футлярными соображениями насчет того, что вот-де в мужской и женской гимназиях молодежь ведет себя дурно, очень шумит в классах, - ах, как бы не дошло до начальства, ах, как бы чего не вышло, - и что если б из второго класса исключить Петрова, а из четвертого - Егорова, то было бы очень хорошо». «Как бы чего не вышло» - рефрен, повторяющийся в рассказе восемь раз.

В системе персонажей произведения Беликов не так уж сильно противопоставлен другим героям. Ведь его «футлярные соображения» отнюдь не отметились коллегами: они «куступали, сбавляли Петрову и Егорову балл по поведению, сажали их под арест и в конце концов исключали и Петрова и Егорова». С Беликовым не хотели связываться, охраняя свой покой, что вызывает недоумение у рассказчика Буркина: «Вот подите же, наши учителя народ все мыслящий, глубоко порядочный, воспитанный на Тургеневе и Щедрина, однако же этот человек, ходивший всегда в калошах и с зонтиком, держал в руках всю гимназию целых пятнадцать лет! Да что гимназию? Весь город!».

Однако один из этих «наших учителей» - сам Буркин, «товарищ» Беликова, участвующий в комедии его сватовства. Из всех педагогов лишь Коваленко в лицо называет Беликова «фискалом» и спускает его с лестницы.

«Человек в футляре» - рассказ в рассказе, где основная часть текста принадлежит Буркину, стиль которого можно смело назвать *античеховским*: он патетичен и публицистичен. Но автор *всего* произведения полагается на такого читателя, который «недостающие в рассказе субъективные элементы .. подбавит сам» (из письма А. П. Чехова к А. С. Суворину от 1 апр. 1890 г.). Такой читатель поймет, что мишенью чеховской иронии являются и Буркин, и его слушатель Иван Иванович Чимша-Гималайский, предающиеся в финале рассказа ламентациям о неистребимости «футляра».

Из других чеховских персонажей ближе всего к Беликову Пришибеев («Унтер Пришибеев», 1885). Правда, его отношение к действительной жизни - не столько страх, сколько искреннее недоумение: «И для него ясно, что мир изменился и что жить на свете уже никак невозможно». В пространных монологах героя подчеркнуто непонимание им новых, более свободных форм общежития. И он злобно преследует всех нарушителей «закона», в его толковании. Крестьяне хором жалуются: «Намеднись по избам ходил, приказывал, чтоб песней не пели и огней не жгли. Закона, говорит, такого нет, чтоб песни петь». Он - «сверхштатный блюститель» (так первоначально назывался рассказ). Сближают персонажей и некоторые детали: Пришибеев «два года в мужской классической прогимназии в швейцарах служил», а мучает односельчан он «пятнадцать лет».

Необычная вариация «футлярного» типа - Федор Ильич Кулыгин («Три сестры», 1900), «педагог» и «Машин муж» (так он представляется Вершинину). «Он не самый умный, но самый добрый», по словам Ирины.

Это не гротескный образ (в отличие от Беликова и Пришибеева), и черты данного типа в нем менее заметны, они смягчены его природной добротой. Но в мыслях и поведении персонажа господствует шаблон, циркуляр. Его постоянная оглядка на директора гимназии раздражает Машу. Он сбривает себе усы, что ему не идет, и объясняет прилюдно: «Что ж! Так принято, это *modus vivendi*¹¹. Директор у нас с выбритыми усами, и я тоже, как стал инспектором, побрился. Никому не нравится, а для меня все равно». Подчиняясь директору и подражая ему, Кулыгин ждет и от жены соблюдения ритуалов. Ей нельзя не пойти на устраиваемую директором «прогулку педагогов и их семейств»; в ответ на советы Тузенбаха и Чебутыкина не идти на эту церемонию она говорит: «- Да, не ходите... Это жизнь проклятая, невыносимая...». Когда заходит речь об участии Маши в концерте в пользу погорельцев, Кулыгин «вздыхает» и раздумывает, будет ли это «прилично»: «Я ведь, господа, ничего не знаю. Может быть, это и хорошо будет. Должен признаться, наш директор хороший человек, даже очень хороший, умнейший, но у него такие взгляды... Конечно, не его дело, но все-таки, если хотите, то я, пожалуй, поговорю с ним». Узнается тревога, постоянно терзавшая Беликова: «Как бы чего не вышло».

Но что отлично знает Кулыгин - это латинские афоризмы, с помощью которых он поучает других. Каждое появление на сцене преподавателя древних языков и «надворного советника» ознаменовано произнесением латинских изречений, т.е. не своих, а «готовых» слов. В первом действии он торжественно преподносит имениннице Ирине свою книжку о гимназии со словами: «*Feci, quod potui, faciant meliora potentes*»¹² (забыв, что уже дарил ее «на пасху»). Затем произносит монолог, в котором советы по хозяйству комично перемежаются с латынью: «- Сегодня, господа, воскресный день, день отдыха, будем же отдыхать, будем веселиться каждый сообразно со своим возрастом и положением. Ковры надо будет убрать на лето и спрятать до зимы... Персидским порошком или нафталином... Римляне были здоровы, потому что умели трудиться, умели и отдыхать, у них была *mens sana in corpore sano*¹³. Жизнь их текла по известным формам. Наш директор говорит: «Главное во всякой жизни - это ее форма...». Во втором действии он выражает сожаление по поводу несостоявшегося вечера в доме Прозоровых: «- о, *fallacem hominum spem!*¹⁴ Винительный падеж при восклицании...». В третьем - «смеется», хлопая по плечу пьяного

Чебутыкина: «- Молодец! In vino Veritas¹⁵, - говорили древние». В четвертом - рассказывает, что «в какой-то семинарии учитель написал на сочинении «чепуха», а ученик прочел «реникса» - думал, что по-латыни написано...». Он «смеется» над этим анекдотическим случаем - и только. Чебутыкин же подхватывает словечко, соответствующее его мрачному настроению, для него вся жизнь - *реникса*, т.е. *чепуха*. (В контексте пьесы слово приобретает символический смысл.) Тут же Кулыгин вспоминает бывшего соученика, уволенного из пятого класса гимназии «за то, что никак не мог понять *ut consecutivum*»¹⁶, и противопоставляет ему себя: «А мне вот всю мою жизнь везет, я счастлив, вот имею даже Станислава второй степени и сам теперь преподаю другим это *ut consecutivum*».

Кулыгин часто сообщает окружающим, что он «весел», «в отличном настроении духа», «доволен», «счастлив». Повторы, звучащие как заклинание, внушают сомнение: действительно ли это так? Ведь он замечает увлечение Маши Вершининым. Но «*ut consecutivum*» смягчает для него жизненные невзгоды, помогает ему не слишком страдать. Против бед он вооружен... латынью.

Мысль, скованная догматами, нормами приличия, и навязывание (в мягкой или грубой форме) своей модели поведения другим - это сочетание составляет суть «футлярного» типа, сближающую персонажей, разных по характеру, темпераменту, социальному положению, профессии. Важна именно взаимосвязь этих свойств, *устойчивый психологический комплекс*, а не отдельно взятая черта.

Поэтому реминисценции, которыми богата проза Чехова, сами по себе не дают достаточного основания для отнесения сходных в чем-то персонажей к одному типу. Так, страх Беликова перед женитьбой напоминает гоголевский мотив («Иван Федорович Шпонька и его тетушка», «Женитьба»)¹⁷, а гиперболическая аккуратность чеховского героя - Шпоньку, имевшим при себе ножик, который в случае нужды вынимался «из небольшого кожаного чехольчика, привязанного к петле...серенького сюртука»¹⁸. Но переключка отдельных мотивов и деталей не означает однотипности героев.

Казалось бы, более существенное сходство есть между Беликовым, Кулыгиным и Леонтием Козловым («Обрыв» И. А. Гончарова), учителем «древних языков» в провинциальной гимназии, мысленно живущим скорее в прошлом, чем в настоящем. Однако комизм всегда рассеянного, неуклюжего Козлова - чисто внешний, в основе своей он *романтик*. Важный штрих к его портрету: у него есть ученики, он «несколько поколений к университету подготовил». «- Вот моя академия, - говорил он, указывая на беседку, - вот и портик - это крыльцо, а дождь идет - в кабинете: наберется ко мне юности, облепят меня»¹⁹. Общий мотив пристрастия к «мертвым языкам» в данном случае лишь оттеняет глубокое различие типов, к которым принадлежат персонажи.

* * *

В то же время сходные мотивы и детали могут подчеркивать однотипность изображаемых лиц. Так, для писателя-реалиста всегда значим выбор *профессии* для героя. Эволюция типа «маленького человека» в русской литературе предстает особенно наглядной благодаря одному и тому же занятию двух мелких чиновников - Акакия Акакиевича Башмачкина и Макара Алексеевича Девушкина: оба они - *переписчики*.

Вообще профессия героя, если автор сообщает ее читателю, обычно активно участвует в создании образа - и в том случае, когда она явно диссонирует с характером героя (в романе А. И. Герцена «Кто виноват?» Владимир Бельтов, ставший чиновником, как шутили в канцелярии, «ровно четырнадцать лет и шесть месяцев не дослужил до пряжки»²⁰, т.е. до знака отличия), и тогда, когда она составляет одно целое с ним, как бы создана для него (Козлов в «Обрыве», Несчастливцев и Счастливец в комедии «Лес» Островского).

В. П. Катаев вспоминает, как Иван Алексеевич Бунин, живший в первые послереволюционные годы в Одессе и опекавший его, начинающего литератора, был возмущен одним его рассказом. Памятуя иронию мэтра над привычкой беллетристов называть молодого героя «студент первого курса», Катаев прочел ему и его жене Вере Николаевне свой новый рассказ о молодом человеке, по профессии декораторе, где «были

описаны любовные переживания» героя, его «первое свиданье, разрыв с любимой женщиной, ночное пьянство и даже - кажется - нюханье кокаина в какой-то подозрительной компании и, наконец, описание очень раннего, солнечного, еще до озноба холодного утра на Николаевском бульваре, где по гранитным ступеням знаменитой лестницы ходили большие розовые голуби». Выслушав рассказ, Бунин «некоторое время молчал, повернув ко мне злое лицо со страшными, грозно вопрошающими глазами, а затем ледяным голосом спросил:

- И это всё?

- Всё, - сказал я.

- Вот тебе и раз. Так какого же черта, - вдруг заорал Бунин, стукнув кулаком по столу с такой силой, что подпрыгнула чернильница, - так какого же вы черта битых сорок пять минут морочили нам голову! Мы с Верой сидим как на иголках и ждем, когда же ваш декоратор начнет писать декорации, а оказывается, ничего подобного: уже все. Розовые голуби и - конец!..»²¹.

В произведениях Чехова, где выведены учителя, они либо *учат*, либо размышляют и говорят о своей *работе*. Трогателен рассказ «Учитель» (1886), в котором смертельно больной старый педагог, преподающий в фабричной школе, переживает за своих учеников после, казалось бы, благополучно прошедших экзаменов. «Ему было досадно, что ученик Бабкин, всегда писавший без одной ошибки, сделал в экзаменационном диктанте три ошибки; ученик Сергеев от волнения не сумел помножить 17 на 13; инспектор, человек молодой и неопытный, статью для диктанта выбрал трудную, а учитель соседней школы, Ляпунов, которого инспектор попросил диктовать, вел себя «не по-товарищески»: диктуя - выговаривал слова не так, как они пишутся, и точно жевал слова».

Однако преобладают у Чехова другие мотивы. Чаще он подчеркивает однообразие, механический характер работы своих героев-учителей, и это даже не вина их, а беда. Не до педагогических проблем удрученному бедностью Медведенко («Чайка», 1896), предложившему Треплеву, после его творческого эксперимента: «А вот, знаете ли, написать бы в пьесе и потом сыграть на сцене, как живет наш брат - учитель. Трудно, трудно живется!» Параллель этому персонажу составляет Марья Васильевна («На подводе», 1897), тринадцать лет учительствующая в сельской школе. Она пошла туда «из нужды, не чувствуя никакого призвания; и никогда она не думала о призвании, о пользе просвещения; и всегда ей казалось, что самое главное в ее деле не ученики и не просвещение, а экзамены».

Но и в гимназии, где голова учителя не набита, как у Марьи Васильевны, «мыслями о куске хлеба, о дровах, плохих дорогах, болезнях», царит рутинная, что постепенно осознает главный герой рассказа «Учитель словесности» (1894). В финале произведения Никитин сближает себя с Ипполитом Ипполитычем, который даже в предсмертном бреду «говорил только то, что всем известно:

- Волга впадает в Каспийское море...Лошади кушают овес и сено...».

Ипполит Ипполитыч преподает историю и географию, Никитин - русскую словесность, Беликов и Кулыгин - греческий и латынь. Конечно, свести к общим местам и «готовым» словам, выхолостить содержание можно при преподавании любого предмета, главной фигурой в педагогическом процессе остается учитель (Михаил Коваленко из «Человека в футляре», как и Ипполит Ипполитыч, тоже географ и историк).

И все-таки, если оставаться в рамках гимназической программы, трудно найти для педагога, поместившего себя «в футляр», более подходящий предмет, чем *мертвые языки*. Для Беликова они были «в сущности те же калоши и зонтик, куда он прятался от действительной жизни. «- О, как звучен, как прекрасен греческий язык! - говорил он со сладким выражением; и, как бы в доказательство своих слов, прищуривал глаза, и подняв палец, произносил: - Антропос!». А пение Вареньки его вдохновило на комплимент: «- Малороссийский язык своею нежностью и приятною звучностью напоминает древнегреческий».

Определенную роль в выборе древних языков как предмета, который преподают педагоги «в футляре», сыграло, вероятно, и положение, сложившееся в системе

отечественного образования. По Уставу, принятому Министерством народного просвещения в 1871 г., «окончательно было введено разделение средних учебных заведений на классические гимназии и реальные училища. При этом право на поступление в университеты давали только классическая гимназия и духовная семинария, реальное же училище оставляло своим выпускникам лишь возможность поступления в институты и другие специальные высшие учебные заведения»²². В основе данного Устава «лежали идеи М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева об усилении классицизма и ослаблении реального уклона в образовании», в классической гимназии «42,2% процента учебного времени отводилось древним языкам»²³. Эта школьная реформа надолго взбудоражила общество. «Реальное образование вообще, а естественные науки в частности стали лозунгом демократической публицистики, воспринимавшей классическое образование с «мертвыми языками» как символ реакции и консерватизма»²⁴.

Отголоски споров о «классиках» и «реалистах» узнаются даже в рассуждениях героини рассказа Чехова «Душечка» (1898), радующейся тому, что Сашенька учится в гимназии: «И она уже имела свои мнения и за ужином говорила с родителями Саши о том, как теперь детям трудно учиться в гимназиях, но что все-таки классическое образование лучше реального, так как из гимназии всюду открыта дорога: хочешь - иди в доктора, хочешь - в инженеры».

Чехов как писатель застал уже не посев, а жатву, результат реформы. Будучи сам выпускником классической гимназии, а впоследствии врачом, он знал, что называется, проблему изнутри. Созданный им тип «человека в футляре», конечно, не привязан жестко к педагогике, но все-таки показательно, что материал для своих вариаций этого типа он черпал из знакомого ему досконально гимназического быта. Как и его современники Н. И. Тимковский, Н. Г. Гарин-Михайловский, В. М. Дорошевич и другие писатели, Чехов подчеркивает контраст между высокими целями гуманитарного образования и часто далекими от гуманности средствами их достижения.

Один из его пронзительных ранних рассказов на школьную тему - «Случай с классиком» (1883). Бедного Ваню, «порезавшегося» на страшном экзамене по греческому (он «вместо того, чтоб сказать «ойсомай», сказал «опсомай»), по просьбе мамыши сечет «умный» жилец, предварительно прочитав мальчику целую речь «о науке, о свете и тьме».

«Опсомай», «реникса» - печальные итоги изучения древних языков запуганными детьми, которых учат такие педагоги, как Беликов.

¹ Сын отечества. 1898. N 238, 4 сентября.

² П е р е в е р з е в В. Ф. Тимковский. Сергей Шумов. - М., 1915 // Современный мир. 1915. N 11. - С. 163 - 164 (раздел «Критика и библиография»).

³ К е л д ы ш В. О «Мелком бесе» // Сологуб Ф. К. Мелкий бес. - Томск, 1990. - С. 8.

⁴ С о л о г у б Ф. К. Мелкий бес. Роман. - Томск, 1990. - С. 71.

⁵ Там же. - С. 9.

⁶ См.: П о л о ц к а я Э. А. Пути чеховских героев. - М., 1983. - С. 49 - 61; К а т а е в В. Б. Сложность простоты. Рассказы и пьесы Чехова. - М., 1998. - С. 26 - 27; и др.

⁷ О различии терминов «характер» и «тип» см. подробнее: Ч е р н е ц Л. В. Персональная сфера литературных произведений: понятия и термины // Художественная антропология. Теоретические и историко-литературные аспекты / Под ред. М. Л. Р е м н е в о й, О. А. К л и н г а, А. Я. Э с а л н е к. - М., 2011. - С. 22 - 35.

⁸ М а н н Ю. В. «Лишний человек» // Литературный энциклопедический словарь/ Под общей ред. В. М. Коженикова и П. А. Николаева. - М., 1987. - С. 204. См. также: Хазова А. В. «Лишний человек» в творчестве И. С. Тургенева // Русский язык и литература в школе. 2011. - N 5.

⁹ Б е л и н с к и й В. Г. О русской повести и повестях г. Гоголя («Арабески» и «Миргород») // Полн. собр. соч.: В 13 т. - М., 1953. - С. 296.

¹⁰ Тексты Чехова цитируются по: Чехов А. П. Полн. собр. соч.: В 30 т. Соч.: В 18 т. Письма: В 12 т. 2-е изд., стереотипное. - М., 2007 - 2009.

¹¹ Образ жизни (лат.).

¹² Сделал, что мог, пусть, кто может, сделает лучше (лат.).

¹³ Здоровый дух в здоровом теле (лат.).

¹⁴ О, призрачная надежда людская!.. (лат.).

¹⁵ Истина в вине (лат.).

¹⁶ «Правило латинской грамматики, требующее применения сослагательного наклонения (конъюнктива) в придаточных предложениях следствия, начинающихся с союза ut (так, так что, чтобы)» (Твердохлебов И. Ю. Примечания // Чехов А. П. Полн. собр. соч.: В 30 т. Соч.: В 18 т. - М., 2008. - Т. 13. - С. 462.

¹⁷ В. Б. Катаев отметил: «Возможно, цитатой из Гоголя звучит и упоминание в «Человеке в футляре» о Гадячском уезде, о хуторе, откуда родом Варенька Коваленко. Весь рассказ - история чуть было не состоявшейся женитьбы Беликова на Вареньке. А на хуторе близ Гадяча, вспомним, проходит история несостоявшейся женитьбы Ивана Федоровича Шпоньки» (Катаев В. Б. Гоголевский год // Он же. Чехов плюс...Предшественники, современники, преемники. - М., 2004. - С. 47).

¹⁸ Г о г о л ь Н. В. Собр. соч.: В 6 т. - М., 1959. - Т. 1. -С. 193.

¹⁹ Г о н ч а р о в И. А. Собр. соч.: В 8 т. - М., 1953. -Т. 5. -С. 216.

²⁰ Г е р ц е н А. И. Повести и рассказы. -М., 1956. - С. 160.

²¹ К а т а е в В. П. Трава забвения // Он же. Святой колодец. Трава забвения. - М., 1969. - С. 188 - 189.

²² Р а с к и н Д. И. Образование и учебные заведения в России XIX - начала XX в. // Русские писатели. 1800- 1917. Биографический словарь / Гл. ред. П. А. Николаев. - М., 1999. - Т. 4. - С. 674.

²³ Л и п н и к В. Н. Школьные реформы в России. - М., 2002. С. 29. М. Н. Катков даже предлагал из 24 или 22 часов учебного времени в неделю уделять греческому и латыни до 16 часов. См.: Катков М. Н. Значение концентрации // он же. Идеология охранительства. - М., 2009. - С. 490.

²⁴ Р а с к и н Д. И. Указ. соч. - С. 674.

ЦЕНТР ИМЕНИ А. П. ЧЕХОВА